

Тянуло с севера холодком, и рыбалка не обещала быть удачной. Рыба отошла от берега.

Так всегда бывает в мае на озёрах Омской области. В тёплый солнечный день вода у берега прогревается, рыбка нежится на мелководье, жирует и клюёт, а как потянет холодом, пойдёт рябь по воде – и уходит рыбка вглубь, где спокойнее.

Вот уже битых два часа компания участковых докторов тщетно размахивала удочками, пытаясь закинуть крючок подальше. Ни поклёвки, ни карасика. Метрах в тридцати от берега торчали в воде две палки, значительно отдалённые друг от друга. «Палки» – это для непосвящённых, а доктора, в большинстве своём в этих местах родившиеся и на озёрной рыбке возросшие, знали, что стоит там двадцатиметровая сеть, и сеть, скорей всего, не пустая. Им и надобно-то было самую малость: четыре-пять хороших карасиков на уху, хотя бы для запаха. Было, конечно, у них с собой на закуску и сало (коптят его по весне в деревнях в большом количестве), и яйца варёные, и лучок-батун, и редиска, – но что это за рыбалка без ухи?

Ничего не оставалось, кроме как осмотреть чужую сеть. Вообще-то моральный кодекс сибиряка чужое брать не позволял. Неудобно. А хозяину двадцатиметровой сети в нерест браконьерничать удобно?.. Решили сделать так: один сплавает до сети и сделает осмотр; если улов неважный – обижать хозяина не будут, а если рыбки достаточно – возьмут на ушицу без разрешения.

Осмотр сети превзошел все ожидания. Густо забили ячейки золотистые рыбины, но как взять? Окна домов на пригорке смотрят прямо на озеро. А вдруг хозяин заметит, выйдет с двенадцатым калибром, а в нём картель (они тут все охотники!), – что тогда?

Посоветались и придумали: пусть тот, кто делал ревизию, засунет в плавки трёх карасей, доплывёт до берега – и всё шито-крыто.

Проинструктировали с берега того, который барахтался у сети. Но он был категорически против.

– Да это же не караси, а акулы! – кричал он посиневшими губами. – Они же мне краник откусят и с ним уплывут...

Послали на подмогу доктора в семейных трусах. Он взял трёх карасей с лопату, положил их в целлофановый мешок, мешок засунул в трусы и выплыл для конспирации не там, где сидела компания, а поближе к деревне. Идёт доктор по берегу, в трусах что-то страшно выпячивается и шевелится, а навстречу – баба с вёдрами на коромысле... Долго оглядывалась... Ну, понятно: век прожила, а такого хозяйства не видывала...

Залили в ушницу традиционные «пятьдесят грамм» для смаку, себя не позабыли, и – пошла беседа у костра. Говорили о нравственности! Нет, такого слова никто не произносил, и, если вам кто-нибудь расскажет, что четыре захмелевших мужика в отсутствие жён говорят у костра о разумном, добром и вечном, – не верьте! Но в принципе разговор шёл о морали, хотя и косвенно. Спорили вот о чём: где люди лучше, проще и совестливее? В городе или в деревне? Мнения разделились. Каждый судил о предмете на основании произошедшего с ним случая.

– А что такое совесть? – размышлял главный добытчик, тот, что в семейных трусах, и сам себе отвечал:

– Совесть – это стыд перед собой! Однако совершить нехороший поступок стыдно не только перед собой, но и перед знакомыми. В большом городе люди друг друга не знают, значит, и не осудят, а если и осудят, так, по крайней мере, твоим друзьям про подлянку, тобой совершённую, не расскажут. Значит, нет и не может быть внутренних моральных тормозов. Ко мне пристал однажды мужик в Москве на Рижском вокзале. Давай, мол, бутылочку портвейна приговорим. А я как раз поел, мне, сытому, на дух не надо. Он меня часа два уговаривал. На вид мужик приличный, на бомжа не похож. Короче, достал он меня. Наливай, говорю, хрен с тобой. Распили бутылмент на двоих. Он мне и говорит: «С тебя один рубль семьдесят пять копеек». Вот сука!.. Да плюс ко всему – он, оказывается, бутылку один выпить не мог, а нести её домой – жены боялся, вот он и искал второго. Дал я ему два рубля. Подавись! И ведь не стыдно ему, потому что видел он меня первый и последний раз в жизни. А сделай он такое в деревне – засмеют, проходу не дадут.

– Да и на селе иногда такое увидишь, – начал доктор с соседнего участка. – У меня на днях вызов был интересный. Вызвали под утро. Села бабка Мирониха на горшок и упала. Дед её кое-как до кровати допёр, она же центнера полтора будет, и сразу же меня вызвал.

– И почему это все инсульты под утро происходят?

– Как почему? Царство вагуса! Да и гормоналка под утро активизируется.

– Не знаю, что там активизируется, но инсульты, приступы астмы, роды, гипертонические кризы – всё под утро.

– Конечно, гормоналка. Тестостерон, например. Под утро кормильца двумя руками не согнёшь.

Посмеялись.

– Вы дадите рассказать или нет?

– Давай!

– Осмотрел я Мирониху. Геморрагический инсульт, к бабке не ходи. Хрипит, без сознания, слева сухожильные рефлексы отсутствуют, а главное – горячая, как печка, значит, дело швах – кровь в голове. Прогноз хреновый. Дед мне: «Скажите, доктор, только честно, сколько ей осталось жить?». Ну что, думаю, обманывать старика, надежды ему подавать. Так, чтобы не очень травмировать, говорю ему: «Вызывайте детей. Больше суток не протянет».

Дед помчался в сени. Возвращается с луком. Да-да, целую связку лука мне суёт: «Это вам, доктор, от меня подарок. Я думал, что эту суку не переживу».

Как вам это нравится? Живут на селе, у всех на виду, на людях милуются, под ручку ходят, а на самом деле – два врага под одной крышей, и не год, не два, а всю жизнь.

И тут вступил в разговор доктор, доселе молчавший.

– Я тоже раньше думал, что деревенские люди чище в нравственном отношении, но мне один коллега рассказал занятную историю, – начал он, и все моментально поняли, что никто ему ничего не рассказывал и что всё это произошло с ним самим, потому-то и сидел, гадал: рассказать или нет – стеснялся, а вот теперь принял грамульку и решился. Поняли, но деликатно виду не показали. И скромный доктор рассказал о себе самом во втором лице.

Был он направлен на отдалённый врачебный участок. Завал в работе полный. Доктор поселился прямо в больнице и начал руководить.

В первую очередь нужно было найти шофёра на «скорую», так как прежний уволился. Трудно найти в деревне дурака, который бы согласился сутками работать без выходных. Дело даже не в нагрузке – иногда можно целый день без вызова просидеть, но ведь отлучиться нельзя, вот беда-то. Ни на покос, ни в лес за грибами, ни на рыбалку, ни к зазнобе в соседнее село, а самое главное – выпить нельзя, даже в праздники, даже на свадьбе, даже на собственный день рождения, короче – не работа, а постоянное мерзкое ожидание вызова. Невротрёпка, одним словом. И вдруг нашёлся шофёр. Светловолосый, длинный, как жердь, парень из соседней Тюменской области. Увидел его доктор и сразу же вспомнил некрасовское: «На нём сюртук с медалями висел, как на шесте». Получил шофёр дом. Перевёз семью. Пригласил доктора на обед. Познакомил с домочадцами. Посмотрел доктор на жену и обомлел. Ничего, кроме пословицы «Не один чёрт лапти стоптал, пока их вместе свёл», на ум не пришло. У Вовы-шофёра глаза не тронуты умом и говорит – на «о» нажимая, а у неё – такая зелень лукавая под ресницами, и излагает правильно. В обращении проста, умна, приветлива, непринуждённа. Ведёт себя раскованно, одета со вкусом и хороша, чертовски хороша собой. Стройна, изящна, тонкокостна, но без худобы, заметьте. Где он нашёл её? Говорил, что в городе. Что общего у них, кроме детей? О чём они могут говорить между собой при столь бросающейся в глаза разнице интеллектов?.. Недолго обсасывал эту мысль доктор, тем более что жил по принципу: «На чужой каравай рот не разевай».

Через несколько дней Вова попросился смотаться на «скорой» в Тюменскую область:

– Отец лося завалил, мясо привезу на себя и на вас.

Отец Вовки жил в общем-то недалеко. Но вопрос был непростой. Попросить в совхозе машину на замену – бесполезно. «У вас же своя «скорая» есть», – скажут. Наврать, что машина сломалась, – тогда не покинешь гараж. Придумать, что Вовка заболел, – тем более глупо: совхоз даст водителя, чтобы он вместо Вовы на «скорой» поработал. Думал, думал доктор и решил: «Вот что, – сказал он Вовке, – поедешь ночью, к утру назад, но, если будет вызов, – я тебя не отпускаю».

Несмотря на очевидную авантюренность затеи (в случае разоблачения водитель был бы незамедлительно уволен), но Вовка с предложенным вариантом согласился. Даже слишком охотно согласился.

...В тот день приехали из района рентгенологи. До вечера проводили флюорографию. Поужинали с медицинским спиртом. Доктор проводил коллег и задремал с устатку. Проснулся от ощущения присутствия постороннего в комнате. Открыл глаза. На кровати сидела жена шофёра и неотрывно смотрела на него.

– Что же мы так рано спать укладываемся? – улыбалась она. – И что же мы не закрываемся? Заходите, гости дорогие, берите, что хотите...

Если вы думаете, что доктор спросил даму, как и почему она вошла к нему без стука, – вы ошибаетесь. Что вообще должен делать здоровый холостой мужик с замужней красивой бабёнкой, присевшей к нему на кровать? А вот что: он легко перекинул готовую к совместному приключению дамочку через себя к стене. Расстегнул кофточку. Освободил грудь от бюстгальтера. Вожделенно всосал розовую вишенку соска. Осторожно прикусил. Продвинул руку между бёдрами вверх, достиг лона и ощутил горячую скользкость лепестков. Сладко напряглось внизу от предвкушения близости, но женщина решительно убрала руку и резко поднялась.

– Не сейчас: я здесь боюсь. Придёшь ко мне в два часа ночи.

– Я не доживу до ночи, – зверел доктор от запаха её тела, – я просто умру от ожидания.

Он снова положил её рядом, закрыл поцелуем рот, не давая возражать, и снова попытался раздвинуть ей ноги, но соблазнительница была непреклонна. Поднялась с постели, поправила причёску и ушла, посмотрев на распалённого доктора столь обещающе, что он поставил будильник на два часа ночи, чтобы не проспать.

О интуиция! Почему мы не прислушиваемся к голосу нашей спасительницы? Почему обижаем охранительницу нашу пренебрежением к её советам и предостережениям?

Женщина ушла, а доктор почувствовал неясную тревогу, абсолютно беспричинную казалось бы. Ведь никто никогда ни о чём не узнает, но ощущение надвигающейся опасности обручем сдавило сердце. Он не мог конкретно представить себе, откуда исходит угроза, но присутствие поганки было очевидным. Гадость витала в прокуренном рентгенологами воздухе. Во-первых, не хотелось быть свиньёй по отношению к Вовке. Как с ним работать потом? Доктор не выносил неестественности отношений, а о какой естественности могла

идти речь после случившегося? Во-вторых, он не хотел идти к ней домой. Он знал по опыту, что муж всегда прав, застань он их у себя дома. Не хотелось чувствовать себя воришкой, трусливо и пакостно обворовавшим того, кто ему доверял.

«Не пойду», – твёрдо решил доктор, но зазвенел будильник, и он поднялся с постели. Шёл дождь. Дорогу развезло. Пришлось надеть сапоги.

«Хорош любовничек, – думал доктор, – только болотников мне не хватало».

Дверь была открыта. В детской спали двое детишек, Вовкина жена приложила палец к губам.

«Смелая до безрассудства», – отметил доктор, осторожно укладывая её на кровать. Возмущённо взвизгнули пружины старенького матраца, так дружно и громко запели на разные голоса, угрожая разбудить детей, что пришлось сесть на рядом стоящий стул и посадить её на себя. Она почти не двигалась, но он совершенно отчётливо ощущал в невозможной глубине её тела вкрадчиво обволакивающую волну жадного поглощения, и эта необычность соития придавала особую пикантность происходящему.

Доктор не помнил, как долго он пробыл у неё: он совершенно утратил ощущение времени, и вдруг окна спальни осветились фарами подъезжающей к дому машины.

– Это Вовка, – сказала она без видимого испуга, – не торопись: он ещё пойдёт ворота в гараж открывать – я их проволокой перевязала.

С сапогами в руках, шлёпая босыми ногами по сырой траве, доктор бежал через огород, проклиная всё на свете.

...Утром Вовка сообщил, что прошёл дождь, машина стала буксовать – пришлось вернуться с полпути. Он был совершенно спокоен и приветлив, как всегда, и версия была более чем правдоподобной, но доктор голову дал бы на отсечение, что он всё знает. Но как раскрылась тайна? Ничего не оставалось, кроме как объяснить произошедшее фразой, прочитанной у Бунина: «Неисповедимы пути, по которым ревнивый муж узнаёт об измене».

Через три дня, вечером, доктор зашёл в прачечную за утюгом и увидел, что Вова с женой идут в больницу. Свет в прачечной не горел, поэтому доктор видел парочку, а они его нет. Остановились у окна. Доктор услышал женский голос: «Я ему сама скажу, ты молчи».

Доктор встретил семью в коридоре.

– Что это вам дома не сидится?

– Мне надо с вами поговорить, – решительно заявила Вовкина подруга жизни и добавила, обращаясь к мужу: – Ты постой здесь.

Зашли в кабинет.

– Я беременна от тебя, – объявила она, неприятно тыкая и так громко, что не оставалось сомнений в том, что Вовка слышит каждое слово, – и не собираюсь сама платить за аборт.

Тут только доктора осенило. Бог мой! Аборт стоит пятьдесят рублей, и ради этого Вова подставил беременную жену, придумал историю с мясом, уехал, чтобы дать им возможность уединиться, а вернувшись, не торопился зайти в дом, дав время любовнику его жены спокойно уйти восвояси.

Доктор всегда считал жадность худшим из человеческих пороков, но чтобы до такой степени?! Он взял рецептурный бланк, написал на нём знакомому гинекологу: «Женя, дорогой! Сделай нам аборт. Я расплачусь». Расписался. Объяснил внезапно забеременевшей, как найти в городе гинеколога. И семья ушла. Аборт был сделан, доктор расплатился и выставил коллеге замечательный магарыч, а Вова вскоре разбил по пьянке «скорую», оказал сопротивление участковому, чудом избежал уголовной ответственности и возвратился с семьёй в Тюменскую область.

– Вот вам и повод для размышлений о моральном облике сельского жителя Вовы и его городской жены, – закончил повествование доктор.

...Костёр почти погас, но продолжал излучать тепло. Никто не сказал ни слова осуждения, да и сам доктор поймал себя на мысли, что чувство презрения, много лет сопровождавшее любое воспоминание о корыстном Вове и его продажной жене, сегодня в эту ночь странным образом утратило остроту.

«В конце концов, – думал доктор, – я мог ей просто понравиться как мужчина, и она уговорила своего дурака на интригу, совмещая приятное с полезным. А мне было так хорошо с ней в ту дождливую ночь, и, может быть, в этом радостном слиянии тел и есть высший смысл жизни?».

Лёгкий ветерок раздувал остывающие угли, и тогда окрашивался алым серый пепел костра. Надо было бы подкинуть дров, но никто

не пошевелился. Каждый твёрдо знал, что тепла от нагретых за ночь
каменной с лихвой хватит до уже летящего к ним с востока рассвета.